

УДК 94(497)

БАЛКАНЫ В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: СЛАВЯНСКОЕ ЕДИНСТВО И ОТЧУЖДЕНИЕ

Ю. В. Ромашов

Саратовский государственный технический университет
E-mail: sar_kayak@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о противоречивости восприятия русскими балканских славян во второй половине XIX в. С одной стороны, в России сформировалась идея славянского единства, активно поддерживаемая и развиваемая многими российскими общественными и политическими деятелями. С другой стороны, при непосредственном соприкосновении русских с южными славянами возникали отчужденность, отсутствие духовного единства между ними.

Ключевые слова: Россия, Балканы, славянское единство, панславизм, Русско-турецкая война 1877–1878 гг., стереотипы восприятия.

The Balkans in Perception of Russian in Second Half XIX Century: Slavic Unity and Alienation

Yu. V. Romashov

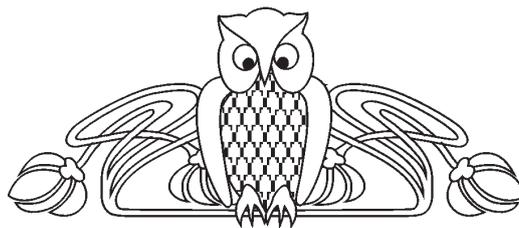
In the article the issue of a contradictory perception of Balkan Slavs by Russians in the second half of 19th century is considered. On the one hand, the idea of Slavic unity has become stable in Russia which was actively supported by many Russian social and political public figures. On the other hand, when directly contacted Russians and southern Slavs appeared to be alienated and far from mental solidarity.

Key words: Russia, Balkans, Slavic unity, Pan-Slavism, Russian-Turkish war 1877–1878, perception stereotypes.

Тема особенностей взаимного восприятия друг друга, этно-национальных стереотипов и автостереотипов, а также преломления и влияния этих факторов в политических отношениях представляет особый интерес и является одним из активно изучаемых в настоящее время направлений в российско-балканских отношениях.

Следует различать народное отношение, позицию образованных слоев российской общности, а также политические интересы России, для обоснования которых часто использовались общественные настроения. При этом требования общественного мнения нередко не соответствовали политическим возможностям государства, что особенно проявилось в начале XX в. Весьма показательными в этом отношении являются непосредственные контакты русских и балканских славян, которые в наибольшей степени проявлялись, когда русская армия вступала на территорию Балкан.

Концепции славянского единства в политической и общественной мысли России XIX в. достаточно широко изучены. Корни идеи славян-

ской общности уходят в первую половину XIX в. Период становления панславизма в России можно считать завершённым после образования Московского (1858) и Санкт-Петербургского (1868) славянских благотворительных комитетов. Появление этих организаций сыграло важнейшую роль в истории развития идеологии славянского единства в России, они стали центрами интеллектуальной и общественной активности, распространяли идеи славянского братства, формировали общественное мнение по так называемому восточному вопросу.

Одним из выразителей идей панславизма, например, был Н. Я. Данилевский. В своем исследовании «Россия и Европа», изданном в 1869 г., он призывал к объединению всех славянских народов как в политическом, так и в культурном отношении, хотя и оговаривал важные условия, необходимые для этого объединения. По его мнению, Всеславянский союз сможет возникнуть только после неизбежной войны России с Европой, что, в свою очередь, поможет «излечить русские культурные недуги», то есть увлечение западничеством, и «разовьет общеславянские симпатии»¹. Данилевский считал также, что после такой войны и основания Союза необходимо сделать русский язык общеславянским «для нормального функционирования всеславянского организма и взаимного культурного влияния»².

Продолжателем идей Данилевского был А. И. Васильчиков, видевший историческое призвание русского народа в решении восточного вопроса. Он считал, что освобождение балканских народов от Турции «становится для России своим делом, не делом внешней политики или гуманности, или сочувствия к другим угнетенным народам, а собственным интересом русского народа»³.

70-е гг. XIX в. ознаменовались новым обострением восточного вопроса и проявлением панславизма на практике. Наиболее активными участниками событий на Балканах в это время, помимо Турции, были Россия, Англия и Австро-Венгрия. В 1875 г. начался затяжной балканский кризис. В славянских провинциях Османской империи – Герцеговине, а затем Боснии – вспыхнули восстания против турецкого ига. Участие России в решении восточного вопроса в 1876–1878 гг. привело к тому, что «все классы, все слои населения, все общественно-политические группировки были захвачены этими событиями»⁴. Жестокость турок вызвала чувство глубокого возмущения. По всей стране прокатилась волна негодования и протестов.

Практической помощью восстанию стали создание славянских комитетов, усиление движения поддержки славян в их борьбе против султанской Турции, сбор значительных средств для оказания помощи балканским славянам. В это же время проявилась активная деятельность видного русского писателя-публициста, славянофила И. С. Аксакова, принимавшего активное участие в оказании помощи Сербии и Черногории в их борьбе с Турцией. По его признанию, основной вклад в сбор пожертвований вносил простой народ и «добровольческое движение носило полностью народный, массовый характер»⁵.

Деятели славянского национального возрождения обращали свой взор на Россию – единственное в то время независимое славянское государство. Делались даже попытки, в частности в Чехии и Сербии, создать общеславянский язык на базе русского. Славянские общественные организации, как, например, Болгарское центральное благотворительное общество, обращались к России, чтобы она оказала им помощь в борьбе с Турцией.

Однако на бытовом уровне, при непосредственном соприкосновении русских и балканских славян, их взаимовосприятие приобретало свою специфику. В сочинениях русских путешественников, бывших в 70-х гг. XIX в. на Балканах, а также участников Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. нашла отражение тема балканских народов и их духовной культуры. Описаниям особенностей национального характера, различных культурных особенностей славянских народов было уделено достаточно много внимания в публикациях русских людей, оказавшихся на Балканах.

Так, например, путешественники отмечали некоторые характерные черты сербского менталитета. Одной из них была простота и добросердечность сербского народа: «Серб добр, гостеприимен, общителен ... Еще одно качество присуще сербскому народу – это замечательная честность, веровства здесь почти нет»⁶.

После разговора с одним из сербов русский журналист, доброволец 1876 г. Н. В. Максимов пришел к такому выводу: «По-моему, он был просто один из массы наивных сербов, которые, в сущности, одинаково любят всех на свете и которые так же любили бы и турок, если бы последние не выжигали их сел и деревень»⁷.

Сравнивая серба с русским крестьянином, Н. В. Максимов писал: «Серб такой же наивный, сердечный, мягкого характера человек, как и наш крестьянин. Но наш крестьянин беден, серб богат; бедные люди в большинстве бывают добрыми людьми, хлебосолами, богатый человек скорее жаден; серб такой же жадный человек. Русский человек безгласен, забит, привык гнуть свою покорную спину чуть ни перед каждым; серб, напротив, человек с голосом, с известными понятиями, чуждыми нам. Русский крестьянин сроднился с подзатыльниками, серб самолюбив и их не переваривает. “В сербах нет национального

самолюбия”, – говорят некоторые. Напротив, я всегда видел в сербах национальное чувство самолюбия и продолжаю видеть его до сих пор»⁸.

А. И. Хвостов, отправившийся добровольцем на Балканы, также отмечал это качество: «Сербы отличаются добродушием и мягкостью в обращении; в последнем они мало уступают полякам, но не льстивы. Они степенны в движениях и апатичны как малороссы, впрочем, не бесхитростны». Причину этого он видел в «слабости и вековом порабощении»⁹. О доброте сербов писал и русский писатель и публицист Г. И. Успенский, находившийся в Сербии с 1876 г.: «Всякий скажет, что они безукоризненно честны, добры, радушны, чисты, как дети, по выражению одного добровольца из простых русских крестьян»¹⁰.

Весьма показательны как отношение сербского народа к русским, так и восприятие русскими путешественниками этого отношения. А. И. Хвостов сообщает, что «русским языком и литературой никто не занимается; между тем, как серб или сербиянка из городской более или менее зажиточной семьи часто знают немецкий. Духовной связи между нами и сербским народом не было; они нас знали как политическую единицу, но не нашу жизнь и социальный строй; разве за исключением некоторых славянофилов, занимающихся пререканиями с нашими за пренебрежение и первенствующее значение в славянском единстве»¹¹.

Размышляя на эту тему, Н. В. Максимов также приходит к весьма скептическим выводам. «Все эти уверения в братстве нас со славянами, все эти разглагольствования на тему племенной нашей связи, народной любви и т. д. – все это может быть очень верно и многозначительно в устах политика, историка, публициста, если хотите, – но все это такая фикция в смысле природных человеческих чувств, которая может иметь место только при помощи возбуждения известных мыслей»¹².

Н. В. Максимов задается вопросом: «В сущности, что общего было между мной и этими сербами, окружавшими меня и недоверчиво поглядывавшими на чужого для них человека? Племенная связь! И только?.. Неужели этого достаточно для того, чтобы люди одного племени, но различных национальностей, могли бескорыстно любить друг друга и, будучи в гостях друг у друга, чувствовать себя как в родной семье? Требовать этого от русского, явившегося в Сербию, и от серба, явившегося в Россию, – значило бы требовать от пасынка к мачехе таких же чувств, какие питает обыкновенно родной сын к родной матери. Россия, какая бы она ни была, – моя мать родная; она меня вскормила, воспитала, взлелеяла, вдохнула в меня любовь к родному народу с материнской колыбели, вкоренила во мне народные традиции. А что такое Сербия для меня? Сербия – страна одного племени, но разных взглядов, нравов, привычек, убеждений, разного воспитания, развития и направления»¹³.

О разнице между русскими и сербами также упоминает Г. И. Успенский: «В виду обилия вот таких-то мелочных черт в характерах и нравах двух братьев, черт, свидетельствующих о значительной между этими братьями разнице решительно во всем, кроме общей для обоих потребности освободиться от подчинения западно-европейскому ходу жизни – причем младший брат отлично знает это подчинение, а старший, хоть кричит от убытка, но откуда он идет, не знает, а полагает только, что виноват тут волостной старшина или пьяница прохвост писарь, – в виду вот этой-то сложности явлений, обнаруженных сербским делом, мы в настоящем письме постараемся договорить только то, что в прошлом не договорено собственно о наших»¹⁴.

В целом, видимо вследствие той очевидной роли, которую играла русская армия для освобождения балканских славян от турецкого ига, отношение сербов к русским было положительным. Н. В. Максимов писал, что он «уверен в том, что и в сербском народе, при всей массе дрязг, происшедших в Сербии, остались все-таки добрые воспоминания о русских»¹⁵. «Серб дает русскому не с целью дать взятку, а искренно. Он радуется, когда замечает, что угодил вам своими подарками. Сербский народ отлично понимал жертвы, приносимые русскими на пользу их страны; он был благодарен за это русским»¹⁶. А. И. Хвостов также отмечал положительное отношение сербов к русским: «Появление русских было торжеством. На них смотрели, как на людей культурно высших; сербы принимали их радушно, с восторгом; незнакомые пожимали им руки, оказывали всевозможное содействие и зачастую отказывались брать с них за что бы то ни было деньги»¹⁷.

Однако не все путешественники видели расположение сербов к русским. Находившийся в Сербии с июля по декабрь 1876 г. С. Коломнин, врач-хирург, ординарный профессор Медико-хирургической академии, ученик Н. И. Пирогова, писал: «Мы хорошо жили между собой и могли утешать себя только тем, что то же равнодушие и апатия, порой страшный эгоизм и черствость природы обнаруживаются и для своих же солдат и раненых, приходивших в непосредственное соприкосновение с жителями»¹⁸.

Более теплые отношения складывались между русскими и болгарами, однако эти отношения были также обусловлены той ролью, которую играли русская армия и политика России в деле национального освобождения Болгарии. М. В. Максимов писал: «Вся фигура болгарина сгорбилась, съежилась; весь он пригнулся к земле, а голова опустилась, так низко, низко, и долго она не могла подняться перед лицом явившегося спасителя. Раболепство, беспредельная покорность, самоунижение, робость, забитость до того резко сказались при первой встрече с болгаринцем, что на лице даже нашего солдата скользнула невольная улыбка, и ему стало жаль болгарина,

но он не решился сказать ему громко, весело и ободряюще: “Здравствуй, брат!” Нет! он сказал ему: “Здравствуй братушко! Ух, как ты съежился!.. Нет, ты настоящий «братушко!» “Какой ты брат?.. Посмотри на себя!..” Солдат сказал это тоном протектора. Чувство собственного достоинства, надменность, гордость, покровительство, даже некоторая власть пополам с юмором и сатирой послышались в тоне русского солдата, а болгарин поклонился ему за это еще ниже прежнего...»¹⁹.

Русские воины, как только вступили в Болгарию, сразу же ощутили исключительно теплое, братское отношение болгарского населения. В Систове, как писал участник войны С. А. Цуриков, «жители встречали наши войска с неопишуемым восторгом, каждый на перерыв старался заполучить к себе гостя, покормить и уложить его спать. Женщины бросали под ноги цветы, целовали руки и стремяна всадников»²⁰. Другой участник войны писал: «Болгары мне очень нравятся, потому что на нас, русских, они смотрят как на братьев, относятся к нам исключительно дружелюбно»²¹. У болгар, писал доктор Пясецкий, «не было другого обращения с нами, кроме “братушки”»²².

М. В. Максимов выделяет также некоторые особенности взаимоотношений русских и болгар: «Присматриваясь к отношениям болгарских крестьян к русским солдатам, никаких я предвзятых племенных обиходных симпатий и любви не усматривал. В подтверждение искренности моего заявления я готов сослаться на свидетельство всех интеллигентных очевидцев – офицеров армии; я уверен в том, что они не только не будут меня оспаривать, но при случае не прочь даже ругать болгар. “Вы возьмите нагайку, да в случае чего нагайкой их” – вот собственно изречения, которые мне приходилось слышать иногда в случае нарядов болгар на работы или на иное что. Это нисколько не помешало русскому солдату сойтись с болгаринцем, полюбить и выражать ему своей привязанности, возродившейся только с того момента, когда они достаточно присмотрелись друг к другу»²³. Он пишет: «Посмотрел солдат на болгарина, и защемило доброе русское сердце, глядя на страдающего. Посмотрел болгарин на солдата, и с одинаковою силою конвульсивной боли защемило и доброе сердце болгарина-страдальца. Болгарин пошел следом за русским солдатом, начал ухаживать за ним, исправлять ему дороги, носить раненых, делиться последнею крохоту хлеба и носить воду в цепь в жаркий день боя, невзирая на убийственный огонь неприятеля...»²⁴. Только представители туркофильской чорбаджийской буржуазии не проявляли радости при встрече русских войск. «Хозяева – болгары из зажиточного класса, оказались действительно негостеприимными... Ничего от них нельзя было добиться, даже воды не давали они нам охотно», – писал участник войны Е. Утин²⁵.

Таким образом, если широкая общественность и власть, активно участвуя в помощи и

призывая простой народ, говорили о близости и единстве русских и славянских народов, то при непосредственных контактах формировалось более скептическое мнение о «братстве» народов. Хотя взаимоотношения были хорошими, а отношение сербов и особенно болгар – дружелюбным, русские, оказавшиеся на Балканах, указывали на отсутствие духовного единства народов. С одной стороны, это отмечалось в отношении балканских славян к русским, а с другой – и в некотором дистанцировании от них самих русских. Это свидетельствует о преувеличении идеи близости славянских народов, ставшей основой панславизма. Само формирование представлений о близости русских и балканских славян было связано либо с идеализацией русско-балканской взаимности, либо с прикрытием политических планов как России, имевшей свои интересы на Балканах, так и элиты балканских славян, искавшей защиты и поддержки у России. Восприятие же на бытовом уровне, как свидетельствуют современники, было достаточно сдержанным, а почитание и преклонение перед русскими солдатами представлялось скорее проявлением благодарности, чем «братства».

Примечания

- 1 Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 472.
- 2 Там же.
- 3 Васильчиков А. И. Восточный вопрос // Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества по протоколам общих собраний его членов, состоявшихся в 1868–1883 гг. СПб., 1883. С. 714.
- 4 Нарочницкая Л. И. Россия и национально-освободительное движение на Балканах 1875–1878 годов. М., 1979. С. 22.
- 5 Аксаков И. С. Сочинения : в 7 т. М., 1886. Т. 1. С. 218.
- 6 Яцеров В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. С. 246.
- 7 Максимов Н. В. Две войны 1876–1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последних войн. В двух частях // Там же. С. 176.
- 8 Там же. С. 198.
- 9 Хвостов А. И. Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан. Письма // Там же. С. 234–235.
- 10 Успенский Г. И. Из Белграда. (Письмо невоенного человека) // Там же. С. 208.
- 11 Хвостов А. И. Указ. соч. С. 237.
- 12 Максимов Н. В. Указ. соч. С. 197.
- 13 Там же.
- 14 Успенский Г. И. Из Белграда. (Второе письмо невоенного человека) // Там же. С. 220.
- 15 Максимов Н. В. Указ. соч. С. 200.
- 16 Там же.
- 17 Хвостов А. И. Указ. соч. С. 232.
- 18 Коломнин С. Общий медицинский очерк Сербо-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время Турецкой войны 1877 г. // Русские о Сербии и сербах. С. 251.
- 19 Максимов Н. В. Две войны 1876–1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последних войн. СПб., 1879. С. 581.
- 20 Цуриков С. А. Воспоминания о войне 1877–1878 гг. // Исторический вестник. 1910. № 1. С. 128.
- 21 Петков И. В боях за Плевен // Дон. 1967. № 3. С. 134.
- 22 Цит. по: Виноградов В. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978. С. 145.
- 23 Максимов Н. В. Указ. соч. 1879. С. 583.
- 24 Там же.
- 25 Утин Е. Письма из Болгарии в 1877 г. СПб., 1879. С. 81.

УДК 94(100) "1914/19"

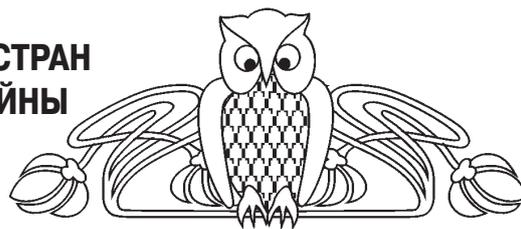
СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА В ПРОПАГАНДЕ СТРАН АНТАНТЫ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (август–декабрь 1914)

Н. В. Юдин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: nicolas.yudin@gmail.com

Статья посвящена сравнительному анализу образа врага в пропаганде стран Антанты в начале Первой мировой войны. На широком круге исторических источников рассмотрены основные элементы этого образа, этапы его развития, общие и специфические его черты для каждой из стран Антанты.

Ключевые слова: Первая мировая война, Антанта, образ врага, пропаганда, истории о немецких зверствах.

The Creation of the Image of the Enemy in Propaganda of the Countries of Entente at the Beginning of the First World War (August–December 1914)

N. V. Yudin

The article focuses on the comparative analysis of the image of the enemy in propaganda of the countries of Entente at the beginning of the First World War. On the basis of the wide range of primary sources the key elements of this image, certain stages in its development,